

ИСПАНО-ШВЕДСКИЙ ДОГОВОР 1812 ГОДА
И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
(Эпизод из дипломатической истории
наполеоновских войн)

■
В. В. Рогинский

1812 год стал переломным в истории европейских государств, так как Отечественная война русского народа положила конец наполеоновской завоевательной политике. К началу этого года почти вся Европа стояла на коленях перед непобедимым императором Франции. Даже Австрия, его традиционный враг, была вынуждена, хотя бы для видимости, послать свои войска против России. К антинаполеоновским силам принадлежало лишь несколько государств. Непримиримым и постоянным врагом Наполеона оставалась Англия.

На востоке Европы у Наполеона был другой противник — Россия. Тильзитский союз уже в 1810 г. дал первую трещину, а в 1811 г. столкновение представлялось неизбежным.

Независимую от Франции внешнюю политику старалась вести и Швеция. Это было неожиданно для Наполеона, ибо в августе 1810 г. шведский риксдаг избрал наследным принцем страны, фактически правителем государства, французского маршала Жана-Батиста Бернадота. Сразу же по прибытии в Стокгольм Карл-Юхан, так теперь назывался Бернадот, взял очень осторожный курс на сближение с Россией, надеясь с ее помощью получить Норвегию. Весной 1812 г. в Петербурге был заключен секретный русско-шведский договор о союзе, положивший начало складыванию шестой антинаполеоновской коалиции¹. Хотя до декабря 1812 г. французский поверенный в делах оставался в Стокгольме и до лета 1813 г. Швеция формально не была в состоянии войны с Францией, однако уже весной 1812 г. Швеция фактически была на стороне антинаполеоновских сил. Заметная непоследовательность и колебания шведской внешней политики были вызваны в основном тактическими соображениями и осторожностью.

Итак, в 1812 г. наполеоновской Франции в Европе противостояли две силы, — во-первых, Англия со своими союзниками Испанией, Португалией и Сардинией и, во-вторых, Россия, к ко-

¹ «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел» (далее — ВПР). Серия первая, т. VI. М., 1962, док. 130.

торой примкнула Швеция. На стороне Наполеона были все остальные государства Европы, в подавляющем большинстве вопреки своей воле.

Начавшееся летом 1812 г. нашествие французской армии на Россию поставило перед русской дипломатией задачу объединения всех антинаполеоновских сил. Это было сформулировано в письме Александра I английскому принцу-регенту Георгу в самом начале войны². Причем, перечисляя государства, входящие в антифранцузские силы, Александр назвал и Испанию, явно имея в виду кадисское регентство³, и Швецию. Исходя из этой установки нужно оценивать действия русских дипломатов, направленные на сближение Испании и Швеции во второй половине 1812 г. и в начале 1813 г., поскольку испано-шведский союз должен был явиться одной из составных частей антинаполеоновской коалиции.

Взаимоотношения Испании со Швецией в этот небольшой, но крайне напряженный период представляют интерес не только с точки зрения изучения внешнеполитической истории этих государств, но и как малоизвестный эпизод дипломатической истории наполеоновских войн, в частности деятельности русской дипломатии во время Отечественной войны 1812 г.

Эпизод, о котором пойдет речь, почти не получил никакого освещения в шведской исторической литературе. Встречаются лишь короткие упоминания об этом в некоторых общих работах о шведской внешней политике, а также в монографиях, рассматривавших дипломатическую борьбу на севере Европы в 1812 г.⁴. При этом ограничивались констатацией факта, что заключенный в Стокгольме 25 ноября 1812 г. договор между Швецией и Испанией способствовал заключению в марте 1813 г. англо-шведского союза.

Гораздо обстоятельнее история испано-шведских дипломатических переговоров в 1812 и 1813 гг. отражена в испанской

² ВПР, т. VI, док. 189.

³ На Пиренейском полуострове с 1808 г. не затихала борьба с французскими захватчиками. В тот период в Испании существовали два боровшихся между собой правительства. Одно из них, державшееся исключительно на французских штыках, возглавлялось ставленником Наполеона, его младшим братом Жозефом Бонапартом. На юге страны, в Кадисе противниками французов были созданы кортесы, образовано правительство страны, регентство, действовавшее от имени короля Фердинанда VII, низложенного и плененного Наполеоном. В борьбе с французами кадисское регентство опиралось на национально-освободительное движение испанского народа. Во внешнеполитическом плане регентство поддерживалось Англией, пославшей на Пиренейский полуостров свои войска.

⁴ T. T. Höjer. Svenska utrikespolitikens historia. Bd. III: 2. Stockholm, 1954; «Histoire de l'administration des affaires étrangères de Suède». Upsal, 1940; F. W. Morén. Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927. Вышесказанное справедливо и для исследования современного финского историка П. Томмиля, давшего широкий анализ международных отношений в 1812 г. (P. Tommila. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962).

историографии. В работе об испанской внешней политике XIX в. Х. Беккер излагает на основании дипломатической переписки ход этих переговоров, показывает борьбу за ратификацию ноябрьского соглашения, анализирует новый испано-шведский договор, заключенный в марте 1813 г. Деятельность русской дипломатии Х. Беккер почти не затрагивает⁵.

Другой испанский историк первой четверти XX в., В. Р. Вилла-Уррутя, касается этого эпизода в работе об англо-испанских отношениях конца наполеоновских войн⁶. Интересные сведения, в частности о начале испано-шведских переговоров, содержатся в биографии испанского дипломата и государственного деятеля Зеа Бермудеса, который с начала Отечественной войны 1812 года был испанским посланником в Петербурге⁷.

Данное сообщение основано на некоторых материалах Архива внешней политики России МИД СССР за 1812—1813 гг., в частности на переписке министра иностранных дел России Н. П. Румянцева с русскими представителями в Стокгольме П. А. Николаи и генералом П. К. Сухтеленом, с русским посланником в Сардинии П. Б. Козловским и с Д. П. Татищевым, назначенным в конце 1812 г. посланником в Испанию⁸. Особый интерес из вышеназванных документов представляют донесения Сухтелена, активного участника испано-шведских переговоров 1812 года. Из документальных публикаций нами привлекались VI и VII тома издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (М., 1962, 1970), в особенности VII том, в котором помещен материал о борьбе русской дипломатии за ратификацию ноябрьского испано-шведского договора.

Вопрос о восстановлении дипломатических и торговых отношений между Испанией и Швецией в практической плоскости встал летом 1812 г., когда ясно обозначилась перспектива новой русско-французской войны. Правда, еще зимой Карл-Юхан, говоря П. А. Николаи о необходимости объединения всех антинаполеоновских сил, подчеркнул, что Швеция должна порвать с королем Жозефом Бонапартом и установить тесное сотрудничество с кадисским регентством⁹. Швеция была заинтересована в восстановлении дипломатических и особенно торговых отношений с Испанией, в которой шведские железопро-

⁵ J. Becker. Historia de las relaciones exteriores de España durante el siglo XIX, t. I. Madrid, 1924.

⁶ W. R. Villa-Urrutia. Relationes entre España e Inglaterra durante la guerra de la independencia, vol. 3. Madrid, 1914.

⁷ E. R. Eggers, E. F. Colombi. Francesco de Zea Bermudez y su época. Madrid, 1958.

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10822, 10824—10827, 10830, 7533.

⁹ П. А. Николаи Н. П. Румянцеву, 20 января (1 февраля) 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10822, л. 46 и об.

мышленники видели перспективные рынки для вывоза железа, основного предмета шведского экспорта¹⁰. Здесь уместно вспомнить, что Испания в то время принадлежала большая часть Латинской Америки, и это обстоятельство также играло не последнюю роль.

Кроме того, Карл-Юхан стремился установить тесные связи и с Англией, а восстановление отношений с Кадисом помогло бы укрепить доверие англичан к бывшему наполеоновскому маршалу и побудить их согласиться на присоединение Норвегии к Швеции, что было тогда основной целью шведской внешней политики.

Однако шведское правительство не спешило признавать кадисское регентство, хотя и вели переговоры с его представителем. Эта сдержанность была вызвана несколькими обстоятельствами. Во-первых, признание регентства правительством Испании сразу делало бы очевидным то, что Бернадот окончательно встал на сторону антинаполеоновских сил. Ведь союз России и Швеции оставался в секрете к тому времени. К тому же временные успехи Наполеона в России заставляли шведское правительство быть очень осторожным. Оно опасалось, впрочем безосновательно, сепаратного мира между Францией и Россией, что поставило бы Швецию в крайне невыгодное положение¹¹. Во-вторых, победы французов усиливали влияние профранцузских кругов в Швеции. Дело осложнялось также и тем, что лично для Карла-Юхана установление отношений с Кадисом означало окончательный разрыв с наполеоновской династией, со своим родственником королем Жозефом Бонапартом, узы с которым раньше проектировалось укрепить через брак дочери Жозефа с сыном Карла-Юхана Оскаром¹².

Кадисскому регентству в свою очередь весьма импонировало признание со стороны формально нейтральной Швеции, что безусловно повысило бы его авторитет на международной арене и укрепило бы его позиции внутри страны.

Начало переговоров между кадисским регентством и Швецией было положено направлявшимся в Петербург Зеа Бермудесом, который появился в Стокгольме 16 июня 1812 г. После встречи со шведским наследным принцем испанский дипломат

сообщил в Кадис о возможности заключения союза со Швецией при условии, что Испания выплатит ей 500 тыс. песо и предоставит полк солдат для участия в экспедиции на континент, которая предполагалась по русско-шведским договорам¹³. Соответствующие полномочия Зеа Бермудес предлагал послать бывшему испанскому посланнику в Стокгольме П. Морено, проживавшему там на правах частного лица¹⁴.

Установление дипломатических отношений между Россией и кадисским регентством¹⁵ значительно укрепило внешнеполитические позиции последнего и должно было повлиять на взаимоотношения Испании и Швеции. 8(20) июля 1812 г. был подписан испано-русский договор в Великих Луках между Н. П. Румянцевым и Зеа Бермудесом, а через три дня русский министр иностранных дел послал П. К. Сухтелену указание сообщить о договоре Карлу-Юхану и поддерживать с Морено «самые наилучшие отношения»¹⁶, которые, кстати говоря, и до этого были самые тесные. Достаточно сказать, что в доме Морено и при его содействии была организована в апреле 1812 г. наисекретнейшая первая встреча П. К. Сухтелена с английским дипломатом Э. Торнтоном, инкогнито прибывшим в Стокгольм для переговоров с Россией и Швецией¹⁷.

Известие об испано-русском договоре так воодушевило П. Морено, что он решил начать переговоры о восстановлении шведско-испанских отношений сразу же по возвращении шведского двора из летней резиденции в Стокгольм¹⁸.

Однако начало переговоров несколько задержалось, главным образом потому, что соответствующие инструкции и полномочия Морено получил только к концу сентября. Первая встреча испанского дипломата с Карлом-Юханом, во время которой обсуждались условия восстановления отношений, состоялась 28 сентября. Со шведской стороны было предложено кроме политического трактата на условиях, переданных через Зеа Бермудеса, заключить еще и торговый договор. Морено наотрез отказался. Переговоры, казалось, зашли в тупик. Потребовалось вмешательство Сухтелена и Торнтона, чтобы, по словам русского дипломата, с одной стороны, «умерить пыл Морено, а с

¹⁰ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 17 (29) сентября 1812 г.—Там же, д. 10826, л. 48 и об. В начале XIX в. перед шведскими производителями и экспортерами железа начала вставать проблема рынков сбыта, так как в Англии, основной потребительнице шведского железа, благодаря технологической революции начала развиваться собственная металлургическая промышленность. С Испанией же торговые связи были развиты очень незначительно (см. S. Höglberg. *Utrikeshandel och sjöfart på 1700-talet*. Lund, 1969).

¹¹ F. W. Morén. Op. cit., s. 78.

¹² П. Б. Козловский Н. П. Румянцеву, 1 (13) ноября 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 10830, л. 5; см. также: Л. А. Зак. Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963; стр. 109—110. Жена Бернадота Дезире Клари была сестрой жены короля Жозефа.

¹³ См. ВПР, т. VI, док. 130, 171.

¹⁴ E. R. Eggers, E. F. Colombi. Op. cit., p. 51.

¹⁵ Тайные переговоры с представителями Кадиса Александр I вел через сенатора Р. А. Кошелева еще с конца 1810 г. См. подробнее ВПР, т. V. М., 1967, стр. 537, 551, 646, прим. 332; т. VI, док. 25; 74, 108, 193; прим. 76, 144, 217, 265, 297, 499—502, 504; И. Заваич. Испания в дипломатических отношениях с Россией.—«Исторический журнал», 1943, № 3-4.

¹⁶ ВПР, т. VI, док. 202; см. также прим. 524; АВПР, ф. Канцелярия, д. 10827, л. 103.

¹⁷ ВПР, т. VI, док. 138.

¹⁸ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 25 июля (6 августа) 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 10825, л. 406.

другой — побудить шведское правительство отказаться от своих претензий»¹⁹.

В беседе с П. К. Сухтеленом Карл-Юхан предложил, чтобы русский дипломат добился через Торнтона согласия английского правительства выплатить Швеции требуемые ею субсидии и признать шведские претензии на Норвегию, а через Морено — согласия кадисского регентства прислать в Швецию небольшой контингент испанских войск для участия в совместной экспедиции. Лишь в этом случае шведский наследный принц соглашался признать правительство, действовавшее от имени Фердинанда VII, подписать с Испанией политический договор и выставить из Швеции французского поверенного Кабра²⁰.

В начале октября проблема испано-шведских отношений обсуждалась Торнтоном и Сухтеленом. Оба дипломата усмотрели в отсрочке заключения договора влияние профранцузских элементов в шведских правящих кругах, которые, по их мнению, поддерживал престарелый король Карл XIII²¹. На самом же деле причина крылась не только в этом, а скорее в осторожности самого Карла-Юхана.

Шведы во что бы то ни стало хотели добиться согласия Англии на присоединение Норвегии к Швеции, а также получить английские субсидии до окончательного разрыва с наполеоновской Францией. Английское же правительство было склонно удовлетворить эти требования, но только после выполнения Швецией двух условий — признания кадисского правительства и высылки из Швеции французского поверенного в делах Кабра, т. е. разрыва с Францией дипломатических отношений²².

Россия, ведя тяжелую борьбу против наполеоновских полчищ, была очень заинтересована в укреплении и единстве антинаполеоновских сил, в активном участии Швеции в борьбе против Франции. Поэтому П. К. Сухтелен деятельно включился в переговоры и всячески нажимал на шведское правительство, чтобы побудить его не откладывать восстановление отношений с Испанией.

В начале ноября Сухтелен в беседе со шведским министром иностранных дел Энгестремом напомнил о необходимости признать Морено официально испанским посланником и заключить с ним договор. Энгестрем в ответ заявил, что Швеция согласна, но восстановление испано-шведских отношений должно

стать следствием присоединения Англии к условиям русско-шведского союза, т. е. было повторено высказанное ранее Карлом-Юханом условие. Русский дипломат напомнил, что камнем преткновения стали разногласия в вопросе о двух договорах, торговом и политическом. Он подчеркнул, что, хотя Морено, ссылаясь на неясность военного положения в Испании, и отклонил предложение о немедленном подписании торгового соглашения, одновременно он согласился включить в политический договор статью, предусматривавшую заключение такого соглашения в будущем, причем шведам в испанских владениях предоставлялось бы право наиболее благоприятствуемой нации. Сухтелен, дабы еще более заинтересовать Швецию, заверил Энгестрема, что с помощью Торнтона убедит Морено включить в договор временную статью, по которой Испания обязывалась бы ввозить ежегодно определенное количество шведского железа в обмен на необходимые Швеции испанские товары или за деньги. И к тому же Испания предоставит Швеции несколько тысяч солдат и денежную субсидию.

Уговорить Морено принять эти условия для русского дипломата не представило труда. Когда Сухтелен сообщил ему о перипетиях своей беседы с Энгестремом, испанский дипломат заявил, что «подпишет все, что русский представитель сочтет подходящим»²³. Со шведами дело оказалось сложнее. 6 ноября Сухтелен снова сообщал Н. П. Румянцеву, что шведское правительство продолжает настаивать на условиях, выдвинутых Карлом-Юханом²⁴.

Тем временем общее положение в Европе начало меняться. С конца октября в Стокгольм стали поступать сведения о тяжелом положении французских войск в России²⁵, что, естественно, не могло не повлиять на позицию шведских правящих кругов. Резко стало падать возросшее было влияние профранцузских элементов. Значительно меньше в Стокгольме опасались теперь нового тильзитского соглашения. Внешняя двойственность шведской позиции стала еще заметнее, что сказывалось и на положении Морено. Это сразу же подметил русский дипломат П. Б. Козловский, находившийся в Стокгольме проездом. Характеризуя «странную картину» в министерстве иностранных дел Швеции, он писал: «Там я слышал самые кровавые проекты против Наполеона и его союзников ... и одновременно в городе находится поверенный в делах Франции... Еще более странным это положение делает то, что Морено, которого

¹⁹ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 17 (29) сентября 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 10826, л. 48 и об.

²⁰ П. К. Сухтелен Александру I, 28 сентября (10 октября) 1812 г.— Там же, д. 10824, л. 42 и об.

²¹ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 20 сентября (2 октября) 1812 г.— Там же, д. 10826, л. 55 об.— 56.

²² «The Cambridge History of British Foreign Policy», vol. I. Cambridge, 1922, p. 594; П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 20 сентября (2 октября) 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 10826, лл. 55—56, 93—94.

²³ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 24 октября (3 ноября) 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 10826, лл. 103 об.— 105 об.

²⁴ Там же, л. 111 об.

²⁵ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 29 октября (10 ноября), 1 (13) ноября 1812 г.— Там же, лл. 113—114, 120—123.

отказываются признать посланником, принимают там самым дружеским образом»²⁶.

Твердая позиция России и Англии, подкрепленная убедительными победами русского оружия, делала для Швеции все более настоятельной необходимость решительного шага — признания кадисского правительства. Уже 5 ноября в беседе с П. К. Сухтеленом Карл-Юхан заявил о своей готовности подписать испано-шведский договор и попросил русского дипломата вместе с Морено составить его проект²⁷. В этой работе приняли участие также Торнтон и крупный испанский государственный деятель и дипломат Эусебио Бардахи-и-Азара. Последний находился в шведской столице проездом, направляясь в Петербург, куда был назначен посланником Испании. По мнению Сухтелена, его участие должно было ускорить переговоры. В донесении Румянцеву от 1(13) ноября русский дипломат заверял, что после приезда Бардахи-и-Азара переговоры о восстановлении испано-шведских отношений «закончатся к взаимному удовлетворению»²⁸.

15 ноября П. К. Сухтелен представил Карлу-Юхану проект испано-шведского договора о восстановлении дипломатических и торговых отношений и военном союзе²⁹. Обе стороны должны были распространить друг на друга принцип наибольшего благоприятствования, а также заключить в будущем торговое соглашение. Кадисское регентство обязывалось предоставить в распоряжение Карла-Юхана корпус численностью 1,5—2 тыс. солдат. Вопрос об испанской субсидии Швеции решался в проекте следующим образом: «Желая дать доказательство своей добродой воли и своего содействия общей цели, но не считая себя в состоянии в настоящий момент оказать помощь Швеции звонкой монетой, его католическое величество обязуется допустить в испанские порты шведские суда с товарами, произведенными в их собственной стране, а также разрешить им свободный выход с товарами, произведенными в государствах вышеназванного величества, не взимая установленных пошлин и налогов. Эти пошлины и налоги будут взиматься шведским правительством в сумме не свыше 500 тыс. испанских пистолетов согласно регламенту, который необходимо для этого составить»³⁰.

В целом проект был одобрен Карлом-Юханом, однако способ получения денег шведов не удовлетворил³¹. Шведские финансы после потрясений 1808—1809 гг. еще не были упорядо-

²⁶ П. Б. Козловский Н. П. Румянцеву, 1 (12) ноября 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 10830, л. 5.

²⁷ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 25 октября (6 ноября) 1812 г.—Там же, д. 10826, лл. 111—112.

²⁸ Там же, лл. 124—125.

²⁹ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 5 (17) ноября 1812 г.—Там же, л. 127.

³⁰ Проект испано-шведского договора.—Там же, лл. 128—131 об. (Документ составлен на фр. языке).

³¹ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 5 (17) ноября 1812 г.—Там же, л. 127 об.

чены, а для организации экспедиции на континент и осуществления норвежских замыслов нужны были деньги, которые шведское правительство хотело получить как можно скорее. На помощь испанцам пришел Торнтон, заявивший во время обсуждения шведских условий с П. К. Сухтеленом, Бардахи-и-Азарой и Морено, что английское правительство сможет предоставить Испании средства, необходимые для выплаты субсидии шведам³². Однако подписание договора было отложено, так как шведское правительство вновь попыталось добиться принятия Англией его условий относительно Норвегии до официального признания им Кадиса. Эта отсрочка привела к тому, как сообщил Сухтелен, что первая партия испанских солдат была задержана в Испании и до наступления зимы не смогла прибыть в Швецию³³.

Под нажимом русского и английского дипломатов шведскому правительству пришлось все же уступить. 25 ноября Энгестрем и Морено подписали наконец испано-шведский договор, в основном повторявший уже рассмотренный нами проект от 15 ноября. Испания должна была непосредственно предоставить Швеции субсидии для борьбы с Наполеоном: «Желая по возможности возместить Швеции чрезвычайные расходы, которые она уже сделала и еще будет вынуждена сделать для содействия успеху общего дела, его католическое величество обязуется предоставить его величеству королю Швеции сумму в 500 тыс. испанских пистолетов, из которых 200 тыс. будут выплачены звонкой монетой, половина в мае, а остаток к концу июля следующего года. 300 тыс. пистолетов ... будут выплачены в будущем году в шелках, винах и других товарах, произведенных испанской землей...» К маю 1813 г. Испания должна была предоставить корпус в 1,5—2 тыс. солдат, в отличие от первоначального проекта полностью снаряженный и оплаченный Испанией. Трактат предусматривал также возможность отправки шведских войск на Пиренейский полуостров в случае необходимости³⁴.

Ноябрьский трактат, несомненно, явился со стороны Швеции очередным шагом к окончательному разрыву с наполеоновской Францией, в декабре последовала высылка из страны французского поверенного в делах и разрыв дипломатических отношений³⁵. Это открыло путь англо-шведскому соглашению от 3 марта 1813 г., по которому за участие шведов в войне против Наполеона Англия гарантировала Швеции денежные субсидии и присоединение Норвегии³⁶. Однако это соглашение

³² J. Becker. Op. cit., p. 268.

³³ П. К. Сухтелен Н. П. Румянцеву, 5 (17) ноября 1812 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 10826, л. 132.

³⁴ Копия текста испано-шведского договора от 25 ноября 1812 г.—Там же, лл. 152—153 (на франц. яз.).

³⁵ T. T. Höger. Op. cit., s. 172.

³⁶ См. Л. А. Зак. Указ. соч., стр. 108—112.

стало единственным практическим последствием стокгольмского испано-шведского договора, который так и не был ратифицирован испанским правительством.

Почему же это произошло? Мы знаем, что кадисское регентство было заинтересовано в восстановлении дипломатических отношений со Швецией, не возражало против урегулирования торговли. Х. Беккер утверждает, что причиной отказа со стороны испанского правительства явились статьи о торговле, субсидиях и вспомогательном корпусе³⁷.

Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении архивных материалах и литературе, трудно более подробно осветить позицию Испании. Как бы то ни было, уже 26 января 1813 г. в Стокгольм были отправлены из Кадиса инструкции Морено, требовавшие заключения нового испано-шведского договора, за основу которого должен быть положен великолукский русско-испанский договор³⁸. Иначе говоря, испанское правительство предлагало ограничиться лишь провозглашением союза между Швецией и Испанией против Наполеона, восстановлением дипломатических и торговых отношений, признанием Швецией испанских кортесов и конституции 1812 года.

Русское правительство было заинтересовано в ратификации ноябрьского испано-шведского договора и выполнении его условий, так как это укрепило бы решимость Карла-Юхана принять высадку на континент весной 1813 г. Поэтому русская дипломатия продолжала следить за развитием испано-шведских отношений. Со своей стороны шведы решили прибегнуть к ее помощи, когда стало ясно, что испанцы медлят с ратификацией. Карл-Юхан встретился в начале января с только что назначенным в Испанию русским посланником Д. П. Татищевым, находившимся проездом в Стокгольме. Заявив о своем намерении высадиться в Северной Германии в конце мая или начале июня, наследный принц просил воздействовать на испанское правительство с тем, чтобы оно не затягивало предоставление помощи, обусловленной ноябрьским договором. Кроме того, через русского дипломата Карл-Юхан хотел получить в свое распоряжение 2 или 3 испанских фрегата для патрулирования в Северном и Балтийском морях³⁹. Русское правительство одобрительно отнеслось к просьбе шведского наследного принца,

и Татищеву было предписано сделать соответствующие демарши перед испанским правительством⁴⁰.

Как только Д. П. Татищев прибыл в Лондон, испанский посол в Англии Фернан-Нуньес сообщил ему об отказе кадисской регентской хунты ратифицировать ноябрьский договор. Испанец заявил также, что ему предписано отослать обратно в Кадис направлявшийся в Швецию фрегат с 300 солдатами на борту. Оправдывая позицию своего правительства, Фернан-Нуньес сказал, что, по сообщениям Бардахи-и-Азары, Александр I якобы не заинтересован в ратификации. На это Татищев резко возразил, что русское правительство заинтересовано в союзе Испании и Швеции и в выполнении условий ноябрьского трактата. Фернан-Нуньес обещал довести русский демарш до сведения кадисского регентства⁴¹. На этом все и закончилось. Сам Д. П. Татищев надолго задержался в Лондоне, его демарш остался без последствий.

Объяснялось это, видимо, тем, что в это время коренным образом изменилась вся обстановка в Европе благодаря вступлению русских войск в Польшу и Германию. На сторону антинаполеоновской коалиции перешла Пруссия, Австрия фактически разорвала союз с Наполеоном и готовилась выступить против него. Значение малых государств в антинаполеоновской коалиции уменьшилось. К тому же в марте был подписан англо-шведский договор, и теперь шведы уже не были так заинтересованы в финансовой или военной поддержке Испании. Практическое значение условий ноябрьского договора в новой ситуации уменьшилось, и поэтому ни Швецией, ни Россией вопрос о его ратификации больше не поднимался. Перед дипломатией вставали новые проблемы. А в отношениях между Испанией и Швецией теперь речь шла лишь о формальном признании Швецией кадисского регентства и восстановлении дипломатических и торговых отношений. 19 марта 1813 г. в Стокгольме был подписан новый испано-шведский договор общего характера. Хотя между обоими государствами и провозглашался союз, никаких практических шагов договор не намечал, на будущее откладывалось и урегулирование торговых вопросов⁴². В начале июня 1813 г. в Стокгольме произошел обмен ратификационными грамотами, Морено вручил шведскому королю верительные грамоты⁴³.

³⁷ J. Becker. Op. cit., s. 270. Это подтверждает и заявление испанского посла в Лондоне Фернана-Нуньеса Д. П. Татищеву (Д. П. Татищев Н. П. Румянцеву, 14 (26) марта 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 7533, л. 11).

³⁸ J. Becker. Op. cit., p. 270—271.

³⁹ Д. П. Татищев Н. П. Румянцеву, 6 (18) января 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 7533, лл. 2—4; см. также ВПР, т. VII, стр. 710. Просьбы о фрегатах были повторены в другой беседе Карла-Юхана с Татищевым. Здесь же Карл-Юхан рекомендовал предложить кадисскому регентству организовать высадку во Франции, в провинциях Лангедок и Гиень (Д. П. Татищев Н. П. Румянцеву 10 (22) января 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 7533, лл. 5—6).

⁴⁰ Н. П. Румянцев Д. П. Татищеву, 31 января (12 февраля) 1813 г.—ВПР, т. VII, док. 18.

⁴¹ Д. П. Татищев Н. П. Румянцеву, 14 (26) марта 1813 г.; Д. П. Татищев Фернану-Нуньесу, 15 марта 1813 г.; Фернан-Нуньес Д. П. Татищеву, 16 марта 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 7533, лл. 11—14; см. также ВПР, т. VII, стр. 710.

⁴² J. Becker. Op. cit., p. 272.

⁴³ Российский поверенный в делах в Стокгольме Д. Н. Блудов Н. П. Румянцеву, 26 мая (7 июня) 1813 г.—АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10835, л. 66 и об.